

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И ТЕОЛОГИИ
ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ГОУ ВПО «ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

Сборник научных трудов

ВЫПУСК III

Барнаул 2009

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук *П.К. Дашковский*

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук *Л.Н. Ермоленко*;
доктор культурологии *Л.С. Марсадолов*;
доктор исторических наук *Т.Д. Скрынникова*;
доктор исторических наук *А.А. Тишкин*;
доктор исторических наук *А.В. Харинский*;
доктор исторических наук *С.А. Яценко*;
кандидат исторических наук *Ю.И. Ожередов*

М64 Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе : сборник научных трудов / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Азбука, 2009. – Вып. III. – 332 с.

ISBN 978-5-93957-363-4

В сборнике представлены результаты изучения мировоззрения народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в разные исторические периоды. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов традиционных обществ, а также религиозно-правовым проблемам. Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

ISBN 978-5-93957-363-4

Сборник подготовлен и издан при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №08-01-92004а/G, тема «Этносоциальные процессы и формирование синкретичных мировоззренческих систем у кочевников Алтая и Северо-Западной Монголии»)

На обложке: антропоморфная личина из могильника Чинета-II (раскопки П.К. Дашковского, рисунок А.Л. Кунгурова)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
I. Религиозные верования и обряды древних и средневековых народов Центральной Азии и сопредельных территорий	
<i>Д.С. Байгунаков</i> Некоторые античные авторы о религиозных представлениях народов Центральной Азии.....	8
<i>М.В. Головизнин</i> «Православно-буддистский диалог» и его культурно-исторические последствия в Южной Сибири XVII–XVIII вв.	19
<i>П.К. Дашковский, Н.Н. Серегин</i> Погребальный обряд тюркской культуры Алтая и некоторые особенности религиозной системы кочевников	36
<i>М.В. Егорочкин</i> Военная идеология древних тюрков (по материалам орхонских и енисейских письменных памятников).....	64
<i>А.В. Запорожченко, К.В. Луговой</i> Индоиранские инициационные ритуалы и их отражение в осетинском нартовском эпосе	77
<i>В.Е. Ларичев</i> Панно изображений богов и «записей» времени: «прочтение» знаково-образных «текстов» святилища Хачурт (реконструкция однолетних и многолетних систем счисления лунно-солнечных циклов в культуре палеометалла Центральной Азии)	87
<i>О.К. Михельсон</i> Феноменология религии и исследование ранних форм культуры.....	105
<i>Ю.И. Ожередов</i> Новая находка Г.Н. Потанина на «Монгольской тропе»	112
<i>К. Петросян</i> Анимистические представления в верованиях сюнну (по китайским источникам)	122
<i>К.А. Руденко</i> Конь в погребальном ритуале населения Предуралья в VI–IX вв.: восток или запад?	125

<i>Н.И. Рыбаков</i> «Процессия» – памятник согдийско-енисейских культурно-исторических взаимосвязей.....	137
---	-----

<i>Ю.Б. Сериков</i> Шайтанское озеро – «святое» озеро древности	161
--	-----

II. Современные этноконфессиональные процессы и традиционные верования народов Южной Сибири и Центральной Азии

<i>В.А. Бурнаков</i> Медведь и Эрлик-хан как существа высшего порядка в традиционном мировоззрении хакасов	177
---	-----

<i>Г.Н. Варавина</i> Погребальная одежда эвенов Якутии (конец XIX – начало XX в.)	182
---	-----

<i>Б.А. Досова</i> Новые (нетрадиционные) религии: миссия на территории Казахстана	187
---	-----

<i>Э.В. Енчинов</i> Имянаречение – первичная социализация ребенка в алтайской культуре	194
---	-----

<i>В.М. Мендешева</i> Образ Бай-Ульгения и Аба-Эрлика в традиционном мировоззрении алтайцев.....	200
---	-----

<i>А.С. Мишукова</i> Экологический аспект религиозного мировоззрения в культуре тувинцев	207
---	-----

<i>В.В. Николаев</i> Христианизация коренного населения предгорий Северного Алтая....	213
--	-----

<i>Д.А. Николаева</i> Архетипы женского культа в традиционной культуре бурят Предбайкалья	223
--	-----

<i>Н.А. Тадина</i> Обрядовая символика бурханистов	229
---	-----

<i>И.Н. Трошкина</i> Трансформация семьи в Хакасии (аксиологический аспект)	239
--	-----

<i>М.С. Уланов</i> Буддизм в современной России: традиция или модернизация	248
---	-----

<i>В.В. Ушницкий</i>	
Воинские ритуалы и обряды якутов: илбис Түгэрий (обряд вселения духа кровожадности в воина).....	252
<i>Н.И. ШUTOва</i>	
Типы и разновидности деревенских святынь Камско-Вятского региона в XVII–XX вв.....	260
<i>Т.С. Ябыштаев</i>	
Об этнических маркерах алтайцев в свете реконструкции мировоззренческой системы	272
III. Религия и политика в государствах Центральной Азии	
<i>А.С. Жанбосинова</i>	
Эволюция законодательно-правовой политики государства в отношении религиозного культа в 20-е гг. XX в.	279
<i>Р.В. Новожеев</i>	
Атрибуты власти в кочевых социумах средневековья.....	291
<i>Р.Ш. Нуриден</i>	
Конфессиональная политика Казахстана	296
<i>Р.Ю. Почкаев</i>	
Особенности формирования правовых воззрений кочевников Центральной Азии.....	301
<i>Э.Г. Торушев</i>	
Новая политика по отношению к религии в Горном Алтае (20–30-е гг. XX в.)	312
<i>М.Ш. Шарифов</i>	
Восточная идеократическая государственность.....	317
Список сокращений	324
Сведения об авторах	325

Книга песен и гимнов / Пер. и коммент. А. Штукина // Конфуций. Уроки мудрости. М., 2004.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Пер. и коммент. В.С. Таскина. М., 1968. Вып. 1.

Переломов Л.С. Конфуций. Луньчунь / Иссл., пер. и коммент. Л.С. Переломова. М., 2000.

司馬遷. 史记 (全十册). – 北京, 中華書局, 1982. (Сыма Цянь. Ши цзи: В 10 т. Пекин, 1982).

诗经译注/ 程俊英撰. – 上海, 上海古籍出版社, 2004. (Ши цзин / Пер. и коммент. Чэн Цзюнь-ин. Шанхай, 2004).

说文解字 (现代版). – 北京, 社会科学文献出版社, 2005. (Шо-вэнь цзе-цзы. Пекин, 2005).

论语译注/ 杨伯峻 译注. – 北京, 中华书局, 2006. (Лунь юй / Пер. и коммент. Ян Бо-цзюня. Пекин, 2006).

古汉语大词典. – 上海, 上海辞书出版社, 1998. (Большой словарь древнекитайского языка. Шанхай, 1998).

К.А. Руденко

Институт истории АН РТ, г. Казань

КОНЬ В ПОГРЕБАЛЬНОМ РИТУАЛЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДУРАЛЬЯ В VI–IX вв.: ВОСТОК ИЛИ ЗАПАД?

Спецификой погребального ритуала населения Волго-Уральского региона во второй половине I тыс. н.э. является помещение в могилу или над могилой части конской туши или имитации целой туши коня. Нередки случаи, когда в засыпи могилы встречаются зубы лошади или конские черепа. Цель настоящей работы – выяснение степени устойчивости погребальных ритуалов с использованием лошади в рассматриваемом регионе во второй половине I тыс. н.э. и определение их возможных истоков.

Имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют утверждать, что лошадь в погребальных ритуалах народов Восточной Европы и Средней Азии начинает использоваться в конце III–II тыс. до н.э. (см., например: Саринаниди В.И., Дубова Н.А., 2007, с. 224–233). В Южном Предуралье, судя по материалам Синташтинского грунтового могильника (Генинг В.Ф. и др., 1992, с. 111–332) и близких им по времени памятников (Костюков В.П. и др., 1995, с. 157–170), уже в XVII–XVI вв. до н.э. лошади становятся важной частью погребального обряда. Зафиксированы такие случаи и на синхронных Синташте памятниках в лесостепном Поволжье (Васильев И.Б. и др., 1995, с. 5, 11).

В той или иной степени лошадь использовалась в похоронных, поминальных ритуалах и культовых действиях в Предуралье и Среднем Поволжье и в последующее время, например, в ананьинскую эпоху раннего же-

лезного века, преимущественно в лесной полосе этого региона. Различие культурных, этнических, хозяйственных традиций не было препятствием в распространении и живучести этого ритуала. Но проявление его было незначительным, не достигая такого масштаба, как, например, в это же время у народов Сибири.

Эпоха великого переселения народов изменила этнокультурную ситуацию в регионе и привела к весьма существенным инновациям в погребальной практике жившего здесь как оседлого, так и кочевого населения. Это коснулось и использования лошади в различных культовых действиях, в первую очередь связанных с захоронением умерших.

Для могильников междуречья Волги и Урала в I тыс. н.э. конь при погребении использовался в следующих случаях: в послепохоронных ритуалах – как жертвенная (поминальная) пища (мясные части), непосредственно в момент погребения или в процессе похорон, т.е. как часть погребального ритуала: отчлененная голова лошади на перекрытии могильной ямы; отчлененная взнузданная голова лошади на перекрытии или рядом с ним; отчлененная голова, шкура и конечности на перекрытии или рядом с ним.

В разных вариантах эти ритуалы на территории Среднего Поволжья встречаются с первых веков I тыс. н.э. Показателен в этом отношении Андреевский-I курган в Мордовии, исследованный П.Д. Степановым (Степанов П.Д., 1980; Петренко А.Г., 1980, с. 107). Здесь встречены положенный в могилу (погр. 50–51) лошадиный череп и в двух случаях (погр. 25 и 37–41) череп и остатки конечностей (Гришаков В.В., Зубов С.Э., 2009, с. 37, 78), как удачно охарактеризовала объект такого рода Л. Вайткунскене, – символического коня.

Датируется этот памятник концом I – первой четвертью II в. н.э., хотя в литературе высказывались мнения и о более позднем времени его функционирования – II–III в. н.э. (Степанов П.Д., 1980, с. 36; Гришаков В.В., Зубов С.Э., 2009, с. 53). Сам по себе этот «конский ритуал» соотносился исследователями (А.Х. Халиков, Г.А. Архипов, Ю.А. Зеленева, В.И. Вихляев) с сарматским влиянием (Степанов П.Д., 1980, с. 47; Гришаков В.В., Зубов С.Э., 2009, с. 74–76). В.В. Гришаков и С.Э. Зубов считают, что редкость такого обряда в известных в настоящее время сарматских захоронениях не позволяет однозначно трактовать его как сарматский. Более того, по мнению авторов, больше оснований связывать эти элементы погребальной обрядности с могильниками пьяноборской культуры на территории Башкирии и саргатской культуры Зауралья и Западной Сибири (Гришаков В.В., Зубов С.Э., 2009, с. 79), что в некоторой степени повторяет идеи, высказанные в 1970–1980-х гг. А.Х. Халиковым (1986, с. 75). Авторы утверждают, что народ, оставивший андреевско-писеральские памятники, был «военным выплеском» зауральского населения, которое, проходя по территории, занятой пьяноборскими племенами, могло «заимствовать пу-

тем обмена или изъятия силой оружия определенные элементы материальной культуры пьяноборья» (Гришаков В.В., Зубов С.Э., 2009, с. 88).

Обращая внимание в первую очередь на восточные аналогии, ученые в меньшей степени анализируют приведенные ими же данные об изделиях западного происхождения. В частности, это касается римской медной посуды, которая была встречена в Андреевском кургане. Причем находки римской посуды не ограничиваются только этим памятником. Так, клад из таких предметов найден в Менделеевском районе Татарстана у Ахтияльского городища (или на нем), датированного началом I тыс. н.э.

Если обращаться к западным территориям, то у литовских племен сопровождение в захоронении человека конем прослеживается с III–IV вв. н.э., а самые ранние следы этого обряда можно датировать II–I вв. до н.э. (Куликаускене Р.К., 1953, с. 212). Есть точка зрения, что на территории Литвы конь в погребальном ритуале использовался с эпохи неолита. В целом этот элемент погребальной обрядности, по мнению исследователей, характеризует общие представления и культовую практику индоевропейцев (Вайткунскене Л., 1986, с. 106–107). В V–VI вв. захоронения с конем были характерны в основном для военной знати.

Л. Вайткунскене (1986, с. 101–102) выделены шесть групп захоронений с конем этого времени: 1) череп коня лежит резцами вверх слева от головы умершего, конечности животного сложены парами у черепа; 2) аналогичная предыдущей, но конечности животного расположены в анатомическом соответствии; 3) голова коня находится у левой ноги умершего, рядом кости конечностей; 4) ритуальные части коня находятся в ногах умершего; 5) голова коня находится справа у ног умершего, конечности, уложенные парами, скрещены; 6) кости коня в анатомическом соответствии расположены в изголовье умершего. В данном случае конские комплексы символизировали образ животного, но не имитировали его тушу.

Наибольшее распространение культ коня у предков литовцев получил в IX–XI вв. В это время погребались, как правило, целые конские туши (Куликаускене Р.К., 1953, с. 213). Захоронения с конем также известны у пруссов и жемайтов (Кулаков В.И., 1994, с. 37). У этих народов такие захоронения появляются в IV–V вв. и бытуют до XI–XII вв. В погребениях встречаются целая туша и символический конь: голова, шкура, кости конечностей. В первой половине V в. н.э. количество захоронений с конем у пруссов резко возрастает, причем туша коня располагается непосредственно над остатками погребенного, что почти не встречалось в таких захоронениях ранее (Кулаков В.И., 1994, с. 146).

В.И. Кулаков (1994, с. 37) сопоставляет сопогребение человека и коня у жемайтов с потомадьярскими погребениями по положению шкуры коня над умершим, причем передняя часть черепа коня перекрывает череп человека; а у пруссов – с раннеболгарскими могильниками на Волге (шкура

коня лежит поперек могилы, череп – у края ямы). В последнем случае этот ритуал дополняется появлением в инвентаре прусских захоронений деталей конского снаряжения, ступеньками и подбоями в конструкции могильной ямы и т.д. Датируются эти процессы с VIII в. (Кулаков В.И., 1990, с. 39). Кроме того, нередко захоронения коней у прусов сопровождают человеческие кремации.

Прибалтийский янтарь через пруссов «двигался» в восточном направлении по Янтарному пути в V–VIII и в VIII–XI вв. и особо активно со второй половины VI в. Прусский янтарь с V в. поступал не только в Поволжье, но и в Китай (Кулаков В.И., 1994, с. 118–119). И торговые, и миграционные потоки населения с запада, в том числе и сарматов в I–IV вв. н.э., что доказано материалами памятников Самарского Поволжья, исследованных Д.А. Сташенковым (2005, с. 24–48), стали проводником многих культурных инноваций в этом регионе.

Этот сюжет особенно интересен в связи с появлением символического коня в погребальных ритуалах биобрядных могильников именьковской культуры в Среднем Поволжье в V–VII вв. Стоит отметить, что и в классических для этой культуры погребениях по обряду кремации встречены не только сожженные человеческие кости, но и диагностированы кости лошади. В погребениях Коминтерновского могильника, исследованного Е.П. Казаковым (1998, рис. 7.-6, 9; 13.-5–7; 14.-8–9 и сл.), встречены многочисленные янтарные ожерелья из крупных бус. А.Х. Халиков (1986, с. 79), исследуя происхождение именьковской культуры, выдвинул гипотезу, что она генетически связана с западным (балтским) населением. Примечателен факт того, что в коминтерновских захоронениях фиксируется своеобразный конский комплекс – череп и кости конечностей. Иногда голова коня была взнузданной. Конские комплексы, близкие коминтерновским, встречены в захоронениях второй половины VI–VII вв. Кушнаренокского могильника в Башкирии, хотя их расположение в захоронении несколько иное (Казаков Е.П., 1984, с. 100).

Было бы логично связать эти своеобразные погребальные конские комплексы с влиянием угорских племен (кушнареновская и караякуповская культуры), появившихся в Предуралье в VI–VII вв. К такому выводу и пришел Е.П. Казаков, рассмотрев конские комплексы в могильниках раннеболгарского времени Волго-Камья в специальной статье. Он предполагал, что они связаны с угорским населением Западной Сибири, проникшим в Восточную Европу в гуннскую и послегуннскую эпохи (Казаков Е.П., 1984, с. 110). Вместе с тем автор отметил и то, что близкие комплексы встречаются в захоронениях Саратовского Поволжья VII–VIII вв., которые были интерпретированы ранее как сармато-аланские.

К этому сюжету Е.П. Казаков (2007, с. 118) обратился в опубликованной недавно статье, где конские комплексы из черепа и костей ног в некрополях раннебулгарского времени рассматриваются им как заимство-

ванные булгарами от «буртас», проживавших в Саратовском Поволжье, которые в свою очередь унаследовали их у турбаслинско-именьковских (позднесарматских) племен Волго-Камья, с эпохи тюркских каганатов. Эта гипотеза хотя и не совсем согласуется с весьма аргументированной ранней версией об угорской принадлежности символического коня в раннеболгарских могильниках, с другой стороны, объясняет то, что на Средней Волге «прижился» именно этот вариант погребального культа с «жертвенным» конем.

Объясняя этот факт, Е.П. Казаков (2007а, с. 25) утверждает, что конские комплексы подобного типа могли использоваться не только уграми, находившимися в Волго-Камье, но и тюркоязычными булгарами на Волге, которые восприняли его от поздних сармат, через земли которых они мигрировали на север.

Этот тезис интересен еще и тем, что почти одновременно, в IV–VI вв., в Причерноморье появляются погребения воинов-всадников и расположенные рядом захоронения взнузданных и оседланных коней (Дмитриев А.В., 1979, с. 212–231). Сопогребение с «целым» конем, а не отдельные кости, головы или шкуры в засыпи или в могильной яме, рассматривается исследователями как традиция, связанная с тюркоязычными кочевниками, что подтверждается многочисленными погребениями VI–X вв. Центрального и Южного Алтая. По мнению Г.В. Кубарева, сопогребение с конем является алтайской традицией и связано с генезисом тюркского этноса. Возможно, столь же традиционными в этом плане были и одиночные захоронения коней. Причем, как считает исследователь, на сопредельных с Алтаем территориях этот обряд становится не столь выдержанным: здесь встречаются тюркские погребения без коня (Кубарев Г.В., 2005, с. 17–19). Без сомнения, преобладающим элементом погребального обряда тюркских народов Сибири конца I – начала II тыс. н.э. были сопогребения человека и целого коня в разных вариантах (ориентировка человека и конской туши; их взаиморасположение и т.п.) (Худяков Ю.С., 2004, с. 49–51). На северных территориях востока Европы, в частности в Казанском Поволжье, созахоронений с целым конем в этот период не выявлено.

В VII–VIII вв. н.э. на территории Самарской Луки, занятой ранее населением именинковой культуры, в могильниках новинковского типа в захоронениях встречаются конские комплексы. Интерпретация этих памятников в этническом и культурном отношении неоднозначна. Это касается, например, ритуального разрушения костяков или курганов с каменной наброской с ровиками (Багаутдинов Р.С. и др., 1998; Матвеева Г.И., 1997). Поэтому говорить непосредственно о тесной связи именинковского населения с новинковским, резко отличающимся по хозяйственно-культурному типу, сложно, хотя полностью отвергать возможность контакта также будет не верно (Матвеева Г.И., Семькин Ю.А., 2007, с. 127–135).

Стоит отметить, что все новинковские могильники – курганно-грунтовые, сочетающие насыпи из крупных и средних камней, которые, кстати, нередко связаны не с захоронениями, а с погребениями-кенотафами, каменными набросками над грунтовыми захоронениями и просто грунтовыми погребениями без выраженных внешних признаков. Причем в каменных набросках и выкладках, как и больших каменных насыпях, между камнями часто встречаются зубы и раздробленные кости лошади.

Вместе с тем общее число погребений с остатками коня в новинковских могильниках незначительно – около 7% (Флерова В.Е., 2001, с. 177). Г.И. Матвеева (1997, с. 56) отмечает, что в новинковских и близких им могильниках на Самарской луке чаще встречаются лошадиные черепа, более-менее целые конские костяки редки, а расположение их в захоронении неустойчиво. Остатки почти полного скелета коня зафиксированы только в Шиловских курганах (1 захоронение), датированных первой четвертью VIII в. н.э. (Комар Е.В., 2001, с. 30). Кости коня находились у входа в погребальную катакомбу (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с. 82). Е.П. Казаков (2007, с. 118) справедливо выделяет памятники типа Шиловских курганов в «уреньскую группу», связав ее с салтовскими памятниками Подонья (с большой долей вероятности – хазарскими) и отличающейся от основного массива могильников новинковского типа (см. ниже).

В новинковские погребения помещались не только части лошади, но и других животных, например овцы (Матвеева Г.И., 1997, с. 57). Из конских комплексов в памятниках новинковского типа встречены задняя часть туши коня, лежавшая на специальной земляной ступеньке в позе: на животе с подогнутыми задними ногами (Осиновский могильник); символический конь (череп и кости конечностей, уложенные в анатомическом порядке) (погребение 4 Шелехметьского КГМ) или же череп и кости конечностей без определенного порядка (погребение 3, кургана №24 Новинковского-II КГМ) (Матвеева Г.И., 1997, с. 56–57). Истоки этого ритуала вряд ли можно напрямую связывать с «алтайскими захоронениями катандинского типа из Узунтальской долины» (Зубов С.Э., 2006, с. 14), как и в целом только с тюркским миром. В собственно тюркских погребениях VI–VII вв. захоронения коней имели иной характер в отношении к погребенному человеку, чем в могильниках новинковского типа, и зачастую выступали как самостоятельный элемент ритуала (Шелепова Е.В., 2008, с. 114). В VIII–IX вв. эта тенденция сохранилась, приобретая определенные особенности (например, единовременное захоронение в одной яме нескольких конских голов и т.п.) (Васютин А.С., Онищенко С.С., 2008, с. 128–129).

На территории Хазарии, в Приднепровье и в Крыму, где имеются аналогии многим чертам погребальных ритуалов новинковских погребений, в VII в. н.э. использование конской туши или ее отдельных частей при погребении различно. По данным А.И. Айбабина, основных вариантов здесь три: 1) отчлененная голова коня или символический конь находились на

деревянном перекрытии над человеком; 2) человек и полная туша коня лежали в одной яме, закрытые шкурой животного; 3) человек находился в подбое, целая туша коня – на земляной ступеньке (Айбабин А.И., 1985, с. 201).

Таким образом, в предболгарское – именьковское время в Казанском Поволжье и Предуралье формируется особый тип погребального ритуала с использованием частей конской туши – символического коня. Он заключался в сопогребении с человеком, как правило, в ногах погребенного, на уровне дна котлована могильной ямы или деревянном перекрытии (реже в подбое в торцовой стенке могильной ямы) отчлененной головы коня с положенными под него или немного спереди конечностей, отсеченных до запястья. Конский череп резцами и конечности копытами были обращены к голове умершего. Возможно, что ноги лошади были завернуты в шкуру. Этот элемент был привнесенным для культуры населения рассматриваемого региона и имел изначально западные (балтские?) истоки. Во многом генезис этого ритуала был связан с развитием именьковской культуры на Средней Волге и ее взаимодействием с соседними культурами. Вероятно, что в какой-то мере он в ее окончательном варианте испытал воздействие угорских традиций.

Вместе с тем говорить о существовании у именьковцев или у новинковцев культа коня – оснований нет. Конь использовался в погребальном ритуале, но сакрализация его образа, оформившаяся в систему мифологических или религиозных воззрений в этой среде, вряд ли имела место. Скорее всего аналогичная ситуация была и в Предуралье, хотя особенное отношение к коню и всаднику здесь прослеживается в некоторых погребальных культовых предметах (Сунгатов Ф.А, Юсупов Р.М., 2006, с. 254).

Новая эпоха на Средней Волге и в Предуралье началась с середины VIII в., после миграции сюда племен болгарского союза. Она получила в литературе наименование раннеболгарской, охватывая период с середины VIII – до третьей четверти X в. (Казаков Е.П., 1992).

Рассмотрим конские комплексы могильников раннеболгарского времени на Волге (Казаков Е.П., 1992).

Большетарханский могильник (вторая половина VIII – IX в.). Погребальные культы: зафиксирован культ огня, а также ритуальные комплексы из черепов и четырех костей ног лошади (свыше 17% от числа неразграбленных захоронений). Череп лошади находился поперек могилы, кости ног вдоль или поперек. Комплекс располагался в восточной части могильной ямы в ногах погребенного. В трех случаях расположение комплексов иное: черепа развернуты вдоль стенок могильной ямы.

Большетиганский могильник (IX – начало X в.). Погребальные культы: зафиксирован культ огня, а также ритуальные комплексы из черепов и четырех костей ног лошади. В отличие от Большетарханского могильника череп лошади резцами был направлен к голове погребенного человека, а

ноги лошади располагались под ее черепом. Наличие хвостовых позвонков и расположение комплексов вдоль костяка погребенного человека позволяют предполагать наличие лошадиной шкуры. Комплекс располагался в ногах погребенного, на заплечиках или на дне могильной ямы. Встречаются они как в мужских, так и в женских захоронениях.

Выделяется шесть ритуальных групп коня (по: Петренко А.Г., 2000, с. 55–59):

1) имитация туши коня (захоронение коня в шкуре): бедренная кость лошади, голова, иногда с первым шейным позвонком, четыре ноги, представленные от запястья, заплюсны и ниже, иногда присутствие одной или двух коленных чашечек, редко хвостовые позвонки; возраст убитых животных – 5–6 лет;

2) захоронение части туши коня и ритуальная пища: голова и левая бедренная часть коня; череп находился в правом или левом нижнем углу могилы, а бедренные кости, принадлежавшие тем же особям, в головах погребенных;

3) остатки мясной пищи: только левые бедренные кости коня в правом верхнем углу могильной ямы; возраст животных – до 3-х лет;

4) захоронение части коня: только голова коня у ног человека; возраст коня от 1 до 5 лет;

5) остатки мясной погребальной пищи: фрагменты костей скелета коня;

6) кости-украшения: просверленные зубы медведя, волка, позвонки сома и судака (в связке), пяточные кости бобра, нижние челюсти и плечевые кости куницы.

Танкеевский могильник (IX–X вв.). Здесь зафиксированы культ огня, поминальные комплексы из керамики и костей животных в межмогильном пространстве (более 220), а также ритуальные комплексы из черепов и четырех костей ног лошади как в межмогильном пространстве, так и в погребениях. Череп коня резцами был ориентирован в сторону головы погребенного (на запад) и лежал на бабках ног лошади. Такой комплекс располагался в богатых мужских погребениях.

Выделяются следующие группы комплексов коня (Петренко А.Г., 2000, с. 59–75): 1) погребальный комплекс коня, находившийся непосредственно в захоронении; 2) поминальный комплекс коня, находившийся над захоронением или в межмогильном пространстве; 3) остатки заупокойной и погребальной мясной пищи: отдельные кости и фрагменты скелета; 4) игральные кости и кости-амулеты. Отметим, что поминальные комплексы могут содержать несколько черепов только коней или коней и коров (Халикова Е.А., 1972, с. 147).

Возраст коней: 5–9 лет (63,3%), старше 10 лет (23,4%), 5 лет (13,3%). Большинство особей были самцами.

Обратим внимание, что череп и кости ног коня со шкурой не ранее VIII в., чаще в IX–X вв. встречаются в погребальных комплексах на Верхней Оби и в бассейне Средней и Нижней Томи (Васютин А.С., Зиняков Н.М., Онищенко С.С., 2007, с. 49–53, рис.1-А). Однако если сравнить формально одинаковые обозначения этого состояния остатков лошади в захоронении, например, с синхронными захоронениями огузо-печенежского круга степей Восточной Европы (Цыбин М.В., 1986, с. 259–260, рис. 2; Круглов Е.В., 2001, рис. 7–11) то отличия будут весьма существенными. В последнем случае кости ног и череп были расположены в анатомическом соответствии, а в первом случае были специально уложены исходя из размеров могильной ямы.

В гузских погребениях Подонья IX–XI вв. умершие воины погребались рядом с чучелом коня (череп и кости ног, отчлененные по первый, второй или третий суставы) или над ним на помосте. Конь был взнузданный. В последнем случае это был символический конь, а не чучело. По мнению С.А. Плетневой (1990, с. 18, 20), в засыпь кургана помещались голова, отчлененные бабки и шкура, уже не имитировавшие целую тушу. Иногда на шкуру помещали седло. В одном случае встречен кенотаф – захоронение только чучела коня. Датируются эти захоронения концом IX – началом XI в. По мнению Е.В. Круглова, в гузское погребение могла помещаться свернутая шкура коня, при этом в археологическом отношении фиксируются в этом случае лежащие рядом, иногда друг на друге неопределимые кости конского скелета (помимо черепа и костей конечностей). Исследователь считает это особенностью гузского погребального обряда (Круглов Е.В., 2001, с. 419). Впрочем, свернутая шкура коня в несколько ином варианте встречается и в венгерских захоронениях IX–X вв. (Балинт Ч., 1972, с. 178–181).

Погребения IX в. салтовского Дмитриевского могильника содержат захоронения целых туш коня в «жертвенной позе»: на брюхе, с поджатыми или сильно подогнутыми ногами, вытянутой шеей; череп на левом боку, которые находились в дромосе погребальной катакомбы (Плетнева С.А., 1989, с. 206–223, рис. 103.-II, III; 107.-II; 111.-II; 112.-III). По мнению С.А. Плетневой (1989, с. 223), помещение в этом могильнике в захоронения мясной пищи – головы или частей туши лошади, коровы, овцы – является одним из определяющих этнографических признаков болгарской принадлежности захоронений.

В болгарских погребениях на Дунае комплекс из черепа и костей ног не фиксируется, однако имеются сопогребения с целым конем, в положении с подогнутыми ногами, головой к югу. Конь в качестве сопроводительной или жертвенной пищи здесь не отмечен; в этом качестве использовалось мясо овец, оленей и даже поросят (Станчев С.Р., 1965, с. 115, 120).

Таким образом, в могильниках раннеболгарского времени в погребальной практике фиксируется сформировавшийся ранее на этой территории ритуально-поминальный конский комплекс, практически не связанный с салтовской традицией и испытавший на последнем этапе воздействие гузско-печенежского ритуала (использование, помимо отчлененной головы, конечностей, завернутых в шкуру). Эти элементы зафиксировались не только в погребальной практике волжско-булгарских могильников IX–X вв., но и в угорско-мадьярских некрополях как на Средней Волге (IX в.), так и затем в Паннонии (IX–X вв.).

Библиографический список

Айбабин А.И. Погребение хазарского воина // СА. 1985. №3. С. 191–206.

Багаутдинов Р.С. Праболгары на Средней Волге (У истоков истории татар Волго-Камья) / Р.С. Багаутдинов, А.В. Богачев, С.Э. Зубов. Самара, 1998. 286 с.

Балинт Ч. Погребения с конями у венгров в IX–X вв. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 176–188.

Вайткунскене Л. К изучению культа коня в Литве V–VI вв. // Советская археология. 1986. №2. С. 100–109.

Васильев И.Б. Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье (Краткое изложение концепции) / И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов, А.П. Семенова // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995. С. 5–36.

Васютин А.С. Кремированное погребение начала II тыс. н.э. с кузнечными инструментами и сопроводительным захоронением лошади на могильнике Порывайка / А.С. Васютин, Н.М. Зиняков, С.С. Онищенко // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007. С. 49–53.

Васютин А.С. Жертвоприношения лошадей в кургане №11 могильника Ваганово-I из Кузнецкой котловины (верхнеобская культура) / А.С. Васютин, С.С. Онищенко // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, 2008. С. 128–130.

Генинг В.Ф. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей: В 2-х ч. / В.Ф. Генинг, Г.Б. Зданович, В.В. Генинг. Челябинск, 1992. Ч. 1. 408 с.

Гришаков В.В. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / В.В. Гришаков, С.Э. Зубов // Археология Евразийских степей. Казань, 2009. Вып. 7. 173 с.

Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. №4. С. 212–231.

Зубов С.Э. Заселение кочевниками болгарами Среднего Поволжья в VII–VIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 20 с.

Казаков Е.П. Волжские болгары и кочевое население Урало-Поволжья VIII–X вв.: проблемы взаимодействия // Средневековая археология евразийских степей. Т. 1: Археология Евразийских степей. Казань, 2007. Вып. 1. С. 118–126.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007а. 208 с.

Казаков Е.П. Коминтерновский-II могильник в системе древностей Тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 97–150.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М., 1992.

Казаков Е.П. О культе коня в средневековых памятниках Евразии // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984. С. 99–110.

Комар А.В. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шиловских курганов // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2: Хазарское время. Донецк, 2001. С. 11–44.

Костюков В.П. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье / В.П. Костюков, А.В. Епимахов, Д.В. Нелин // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995. С. 156–207.

Круглов Е.В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й половины IX – 1-й половины XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2: Хазарское время. Донецк, 2001. С. 395–446.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.

Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. // САИ. М., 1990. Вып. Г1-9. 168 с.

Кулаков В.И. Прусы (V–XIII вв.). М., 1994. 208 с.

Куликаускене Р.К. Погребения с конями у древних литовцев // СА. 1953. №XVII. С. 211–222.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997. 226 с.

Матвеева Г.И. Поселения VIII–IX вв. в Среднем Поволжье / Г.И. Матвеева, Ю.А. Семькин // Средневековая археология евразийских степей. Т. 1: Археология Евразийских степей. Казань, 2007. Вып. 1. С. 127–135.

Петренко А.Г. Результаты определения костных останков лошадей из кургана у с. Андреевка Большеигнатовского района Мордовской АССР // Степанов П.Д. Андреевский курган. К истории мордовских племен на рубеже нашей эры. Саранск, 1980.

Петренко А.Г. Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. Казань, 2000. 156 с.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989. 288 с.

Плетнева С.А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону: (По материалам кочевнического могильника у Саркела-Белой Вежи). М., 1990. 104 с.

Руденко К.А. Материалы к археологической карте Менделеевского района Татарстана // Менделеевский музейный вестник. Менделеевск, 2002. Вып. 1. С. 20–24.

Сарианиди В.И. Лошадь в Центральной Азии у земледельцев эпохи бронзы: новые находки на Гонур-депе (Туркменистан) / В.И. Сарианиди, Н.А. Дубова // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск, 2007. С. 224–233.

Станчев С.Р. Новый памятник ранней болгарской культуры (к вопросу о праболгарах) // Советская археология. 1957. №XXVII. С. 107–132.

Стащенко Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н.э. // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. М., 2005. Вып. 7. 150 с.

Степанов П.Д. Андреевский курган. К истории мордовских племен на рубеже нашей эры. Саранск, 1980. 108 с.

Сунгатов Ф.А. Бронзовая фигурка всадника с Южного Урала / Ф.А. Сунгатов, Р.М. Юсупов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006. С. 246–256.

Флерова В.Е. Подкурганые погребения Восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2: Хазарское время. Донецк, 2001. С. 163–190.

Халиков А.Х. Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тыс. н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 73–89.

Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 145–160.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск, 2004. 152 с.

Цыбин М.В. Погребения средневековых кочевников X–XIV вв. в Среднем Подонье // СА. 1986. №3. С. 257–266.

Шелепова Е.В. Некоторые аспекты изучения тюркских ритуальных комплексов Алтая // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, 2008. С. 111–115.

Н.И. Рыбаков

Петровская академия наук и искусств, г. Красноярск

«ПРОЦЕССИЯ» – ПАМЯТНИК СОГДИЙСКО-ЕНИСЕЙСКИХ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Осмысление прихода представителей чужеземной религиозности на Енисей в эпоху средневековья, как и сам факт этого явления, на сегодняшний день не имеет продвижения или поддержки в научном сообществе (первый опыт второй половины XX в. см.: Кызласов Л.Р., 2001, с. 83–90; Maenchen-Helfen O., 1951, с. 326). Мы не знаем никаких убедительных свидетельств средневековых хроник или каких-либо упоминаний по этому вопросу, кроме фрагментарных археологических материалов конца XX в. и противоречивой иконографии (Подкамень-Ошколь, 1931, р. 58, abb. 304–